

знаешь... И началъ онъ мнѣ *казку казати*, что-де у одного *Французького* короля было «при принца, *Грицько, Панько и Довганюкк; Грицько бувъ старщій, Паненко средній, а Довганюккъ найменшій.*» Я не могъ не улыбнуться надъ пѣмъ, что наша эпопея началась шакъ далеко и высоко; однако я ее нашель очень еспешивенною пѣмъ больше, что въ казкѣ должны были бытъ чудеса, и что эта чудесная спрана должна была бытъ несравненно дальше Миргорода, гдѣ-либо между горъ и морей.

Хотя царевичи и играють главную роль въ эпопеѣ (народной сказкѣ) племя не шакъ ожесточенныхъ, какъ Задунайцы, однако дѣянiя ихъ большею часпью безкровны: эти герои даже и не оцарапають никого; къ нимъ даже вѣчно должно приспавишь въ покровишели, въ дядьки, въ меншоры какую-либо волшебную, сверхъ-еспешивенную силу. Такъ напр. изъ упомянутыхъ принцевъ *Довганюккъ* долженъ былъ бытъ самый красивый, чтобы въ соспоянiи соблазняшь царевень; но чтобы увезти царевну, на шо не было у него ни куражу, ни ума, на шо данъ ему *коверь-самолѣтъ*. На случай погони, опъ которой онъ не въ соспоянiи былъ бы защищити свою нимфу, дана ему волшебная палка, которой спомо ему шолько ударити объ землю, *щобы наробити собѣ тѣлу Москалей*. Тогда пусть Москали опстрѣлнваюшся опъ вѣдьмъ и чершей, какъ хошяшь, шолько-бы удержали чершовскiй напикъ, пока царевич со своею красавицею успѣеть спунити снова на коверъ-самолѣтъ.

Но у Задунайцевъ смѣшно было-бы эпо Донтъ-Кишопшисво въ царевичахъ; у нихъ шопъ не юнакъ, а баба,